

О МЕХАНИЗМЕ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

А. СТЕПОНАВИЧЮС

I. Подход к проблеме

Языковое изменение — это структурная перестройка языковых систем, и важнейшей задачей диахронической лингвистики следует считать реконструкцию языковых систем на отдельных этапах их развития, т.е. построение в диахронии синхронных срезов. По своей форме описание синхронных срезов в диахронии — конечно, в рамках того же лингвистического направления — не может быть чем-то очень отличным от чисто синхронического описания языка. И все-таки, по своим методам и технике диахроническое описание значительно сложнее синхронического. В диахроническом языкознании первостепенное значение имеют методы реконструкции. Методы реконструкции не следует понимать слишком узко — лишь как методы сравнительной и внутренней реконструкции. Вполне правомерно методами реконструкции может быть названо воссоздание исторических состояний языка по данным графики, метрики, орфоэпии, языкового контактирования („внешнелингвистическая реконструкция“). Методы реконструкции могут быть разработаны и эффективно применяться лишь при наличии адекватной общей теории звуковых изменений. Эта теория, ориентируясь на определенную теорию синхронического описания, должна четко определять типы звуковых изменений по тому, как они отражаются на структуре языка (см. Степонавичюс 1973б, 164 — 180). Эта теория должна раскрыть и сам механизм изменений: почему изменения происходят и как происходят. Вопрос причинной обусловленности звуковых изменений уже был предметом обсуждения в другой нашей статье (Степонавичюс 1975). Цель данной работы — вторая проблема.

Итак, в случае фонетических изменений можно ставить вопрос о том, как в реализации фонем появляются новые и исчезают старые звуковые признаки, например, как звуки монофтонгизируются или дифтонгизируются, лабиализуются или делабиализуются, палатализуются или веляризируются, сужаются или расширяются, удлиняются или сокращаются, аффрицируются, теряют признак смычности и т.п. Вполне правомерно ставить вопрос о том, как внутри фонетических моделей слов и морфем происходят звуковые добавления, исчезновения, субституции и перестановки. Сходным образом мо-

гут быть исследованы синтагматические фонологические изменения: фонемные добавления, исчезновения, субституции и перестановки, изменения в правилах встречаемости фонем, нейтрализации или слогоделения. В случае парадигматических фонологических изменений важно раскрыть процессы возникновения, исчезновения или смены дистинктивных признаков, фонем, оппозиций, корреляций.

Прежде чем перейти к разбору того, как изменения происходят, необходимо установить, что из чего возникает и что во что переходит. Вопросы „что из чего“ и „что во что“ в диахронической лингвистике сложны тем, что здесь недостаточно сопоставлять сменяющиеся структуры того же уровня. Развитие языка часто предполагает реинтерпретацию единиц и отношений одного уровня в единицы и отношения другого уровня. Особенно важно определить возможные источники единиц фонологического парадигматического уровня, поэтому мы и рассмотрим детальнее источники новых фонем, формулируя данную проблему как способы образования фонем.

Под вопросом „как изменения происходят“ могут подразумеваться определенные качественные характеристики изменений (например, регулярность, градуальность или скачкообразность, одновременность, интенсивность), осознанность их говорящими и, наконец, проблема реинтерпретации звуковых единиц и систем. Все эти проблемы очень тесно связаны друг с другом. Мы их будем называть проблемами переходов.

II. Способы образования фонем

Центральным понятием в исторической фонологии справедливо считают фонему. Но одинаково справедливо и то, что фонологические изменения наиболее последовательно могут быть описаны в терминах дистинктивных признаков. Особенно это относится к парадигматическим фонологическим изменениям. Парадигматическое изменение фонем и, тем самым, изменение оппозиций, корреляций всегда может быть представлено как возникновение новых сочетаний, „пучков“, дистинктивных признаков. Это может быть новое сочетание, заключающее в себе новые дистинктивные признаки, или лишь новое сочетание уже имеющихся дистинктивных признаков (последний случай известен как „заполнение пустых клеток“). Каковы же источники новых сочетаний дистинктивных признаков?

Перефонологизация фонем

Наиболее естественным источником новых фонем являются старые фонемы, в которых происходит изменение дистинктивных признаков. Наиболее часто, по-видимому, это бывает сопряжено с исчезновением или появлением

опозиций; исчезновение или появление одних фонем автоматически меняет набор дистинктивных признаков у других. Например, в период после *i*-умлаута древнеанглийские гласные противопоставлялись по тембровым признакам положения языка и огубленности следующим образом: задние /u(:) o(:) a(:) / противопоставлялись передним (незадним) /i(:) y() e(:) ö() æ(:) /, а в подсистеме передних огубленные /y(:) ö(:) / противопоставлялись неогубленным /i(:) e(:) /. Когда огубленные исчезли, для /i() e() / признак „неогубленные“ потерял релевантность, и по своим дистинктивным признакам это уже новые фонемы. До появления фонологической точки зрения никаких изменений в подобных случаях никто усмотреть не мог. И в этом заслуга структурной диахронической лингвистики.

Несколько другой тип перефонологизации представлен случаями, в которых возникновение новых фонем связано со сменами оппозиций. Здесь меняется лишь характер отношений. Подобные изменения традиционно называются сдвигами, перебоями. Такая перефонологизация обычно связана с фонетическими изменениями, хотя точно определить эту взаимосвязь не так уж просто. Логично предполагать, что перед тем, как фонологизироваться, соответствующий признак должен уже иметься в фонетической реализации фонемы. Вот почему обычно говорят, что фонологическим изменениям предшествуют фонетические. Но этот недистинктивный признак может мыслиться как заранее существовавший в фонетической реализации старой фонемы. Можно также предполагать, что в некоторых случаях фонетические и фонологические изменения синхронны.

Фонемизация аллофонов

Возникновение новых оппозиций и фонем из аллофонов одной фонемы представляет собой в истории языков частое явление и широко комментируется в фонологических работах. Фонетической предпосылкой фонологизации аллофонов является, естественно, наличие соответствующих аллофонов в фонетической реализации расщепляющейся фонемы. Например, при *i*-умлауте германских языков реконструируются аллофоны [u—y] фонемы /u() / и аллофоны [o—ö] фонемы /o(:) /. В английском перед возникновением корреляции /f θ s/ — /v ð z/ устанавливаются аллофоны [f-v, θ-ð, s-z] соответственно у фонем /f θ s/. Так как аллофоны являются элементами структуры конкретного языка, они по необходимости историчны, т.е. по отношению к ним можно ставить вопрос, когда и как они возникли. В данном случае полностью применимо утверждение, что фонетическое (аллофонное) изменение предшествует фонологическому. Разрыв между обоими изменениями может быть даже очень значительным. Например, фонологизация глухих и звонких

аллофонов английских фрикативных произошла в средний период истории языка, а возникновение глухих и звонких аллофонов у старых фрикативных относится еще к доисторическому периоду (Антила датирует его приблизительно 700 годом, см. Антила 1972, 58).

С фонологизацией аллофонов дистрибуция фонем, естественно, меняется. Например, если в древнеанглийских *fif* [fi:f], *fife* [fi:ve] 'пять' как первый, так и второй согласный — фонема /f/, то в среднеанглийском *fiue* [fi : vø] первый согласный — фонема /f/, второй — фонема /v/. Да и сред. англ. фонема /f/ по набору дистинктивных признаков не отождествима с др. англ. /f/ (признак „глухой“, точнее — „незвонкий“, приобрел для нее фонологическую релевантность).

При фонемизации аллофонов в самих звуках никаких изменений не происходит: реализация новых фонем совпадает с аллофонами старой фонемы. Но обычно всегда обнаруживается, что дистрибуция новых фонем не совпадает с дистрибуцией аллофонов, из которых эти фонемы возникли. Так, в случае английских фрикативных, после фонологизации признака звонкости и появления корреляции (f θ s/ — /v ð z/, дистрибуция [f θ s] и [v ð z] отличается от прежней. Она изменилась вследствие нескольких независимых процессов. Благодаря проникновению в другие диалекты южных, прежде всего кентских, форм со звонкими начальными фрикативными, в начальных позициях начали встречаться не только глухие, как прежде, но и звонкие фрикативные; ср. *vat* 'бочка' < др. англ. *fæt*, *vixen* 'лисица' < др. англ. *fyxen*. Появлению звонких фрикативных в начальных позициях особенно способствовали французские заимствования; ср. *very* 'очень', *vain* 'тщетный', *vein* 'жила', *zeal* 'усердие' и множество других английских слов французского происхождения с начальными *v* или *z*. Благодаря французским заимствованиям в звонких медиальных положениях появились глухие фрикативные (в древнеанглийском в этой позиции были возможны лишь звонкие фрикативные); ср. *wafer* 'вафля' < др. франц. *waufre*, сред. англ. *pass(e)n*, *pase(n)* < др. франц. *passer* (совр. англ. *pace* 'шагать'). В исконно английских словах в данном положении глухие фрикативные появились в результате упрощения геминат /ff θθ ss/. И, наконец, после отпадения *-e* [ə], звонкие фрикативные оказались и в конечных положениях (раньше здесь встречались лишь глухие); ср. *live* [liv] < сред. англ. *liven* 'жить', *rise* [raiz] < сред. англ. *risen* 'восходить'.

Для понимания сути фонемизации аллофонов здесь важно уяснить, какая взаимосвязь между фонемизацией и нарушением комплементарной дистрибуции звуков. Обычно фонемизация ставится в зависимость от изменения комплементарной дистрибуции. Например, фонемизацию звонких и

глухих аллофонов среднеанглийских фрикативных — по крайней мере в северо-восточном мидленде и северных диалектах — Курат (1969, 145 и сл.) объясняет появлением глухих фрикативных в интерсонорных положениях при упрощении геминат. Так и при объяснении фонемизации аллофонов [u] — [y], [o] — [ö] при *i*-умлауте обычно повторяют формулировку Туодделла (1957а, 86; 1957б, 296—297), что фонемизация произошла тогда, когда /i j/ редуцировались или исчезли, т.е. когда дистрибуция указанных аллофонов перестала быть комплементарной и стала контрастной. Это, по-видимому, правильно по отношению к *i*-умлауту и подавляющему большинству других случаев фонемизации аллофонов. Но в практике диахронической фонологии были обнаружены и такие случаи, которые заставляют признать возможность фонемизации при сохранении комплементарной дистрибуции. Фонемизацию при сохранении комплементарной дистрибуции Я. Б. Крупаткин называет парадигматической фонологизацией, подчеркивая тем самым первейшую роль парадигматических факторов: наличие в системе пустой клетки здесь является определяющим фактором фонемизации. Примерами парадигматической фонологизации служат истории оппозиции /æ/ — /a/, краткого назального /aⁿ/ или кратких дифтонгов в праанглийском (см. Крупаткин 1966, 14—17, 25).

Фонемизация сочетания фонем

Это синтагматическое слияние двух фонем в одну. Подобное слияние не всегда приводит к возникновению новых фонем: по своим дистинктивным признакам результат слияния может совпасть с уже имеющейся в системе фонемой. В таком случае изменение сводится к синтагматической замене двух фонем одной. Но если результат слияния представляет собой новый набор дистинктивных признаков, то такая синтагматическая смена означает тем самым и возникновение новой фонемы¹. Когда в древнеанглийском [sk] изменилось в [š], возникла новая по своим дистинктивным признакам фрикативная фонема /š/. Когда же в раннем современном английском подобному синтагматическому слиянию подверглось медиальное [-sj-], то это означало лишь смену данного сочетания уже имеющейся фонемой /š/ в таких словах, как *nation* 'народ' ([na : sjən > neʃn]), *special* 'специальный' ([spesjəl > speʃl]). Но

¹ Данный тип фонемизации был указан Якобсоном в сущности еще в 1930 г. в работе „Принципы исторической фонологии“. Оговаривая преобразование группы фонем в одну фонему, Якобсон указал, что результат преобразования может совпасть с уже имеющейся фонемой, но он может представлять собой и новую в системе фонему. (см. Якобсон 1962, 214; ср. также Поливанов 1968, 98, 115).

тогда же происходившее слияние [-zj-] > [ž] означало возникновение фонемы /ž/; ср. *vision* 'видение' ([vizjən > vižn]), *lesion* 'повреждение' ([le:zjən > li:žn]).

Фонемизация через синтагматическое расщепление фонемы

Данный способ представляет собой противоположность предшествующему: если фонемизация сочетания фонем основана на преобразовании двух смежных фонем в новый пучок дистинктивных признаков, то фонемизация при синтагматическом расщеплении основана на преобразовании пучка дистинктивных признаков в две смежные фонемы. Расщепление, так же, как и слияние, не обязательно ведет к возникновению новых фонем. Например, когда древнекентский дифтонг /io:/ расщепился на /j/ + /e:/, никаких новых фонем не появилось, так как в системе уже и раньше были и /j/ и /e:/. Однако расщепление др. кент. дифтонга /ea:/ в /j/ + /æ:/ означало возникновение фонемы /æ:/ (подробнее см. Степановичус 1973а, 71–73).

Импортация фонем с заимствованиями

При изучении заимствования весьма плодотворной оказывается идея различения импортации („перенесения“) и субституции („подстановки“) (см. Хауген 1969, 60–61; он же, 1972, 350). Хотя строгое разграничение импортации и субституции не всегда возможно, первая означает перенятие элементов другого языка, а вторая – подстановку элементов заимствующего языка вместо элементов чужого языка.

Как импортация или субституция может квалифицироваться воспроизведение не только всего заимствования в целом, но и его составных частей, которые могут перениматься по-своему. Фонемы, естественно, могут импортироваться лишь со словами или морфемами. Хауген (1972, 354) заимствования делит на два основных типа: заимствованные слова (англ. *loanwords*) и заимствованные сдвиги (англ. *loanshifts*), далее подразделяя первые на „собственно-заимствованные слова“ (англ. *pure loanwords*) и „гибридные заимствования“ (англ. *loanblends*). Заимствованные сдвиги для фонологии никаких существенных последствий иметь не могут, поскольку в этом случае заимствование проявляется лишь в сдвиге семантики или употребления некоторого слова родного языка². На фонологическую систему

² Например, в литовском языке Северной Америки под влиянием английского языка слово *konduktorius* „кондуктор“ употребляется в значении „дирижер“ (англ. *conductor*), слово *kreditas* „кредит“ – в значении „честь“ (англ. *credit*), *partija* „партия“ – в значении „вечеринка“ (англ. *party*); см. Пажусис 1973, 31. Конечно, с такими сдвигами может несколько измениться частотность фонем в речи.

сильно влияют лишь собственно-заимствованные слова, с полной морфологической импорцией (амер.-норвежское *stâr* „магазин“ < англ. *store*), и гибридные заимствования, с частичной морфологической импорцией (амер.-норвежское *farmar* „фермер“ < англ. *farmer*, с импорцией корневой морфемы и субституцией суффикса). Если для морфем при заимствовании в общем более характерна импорция, то для фонем, безусловно, субституция. Неслучайно в современном английском языке нельзя указать ни одной фонемы, которая с уверенностью могла бы быть названа импортированной³. В литовском языке их, по крайней мере, три — /f x h /, и это представляется как исключительный случай. Нет сомнения, что фонема может быть импортирована лишь в том случае, когда для нее есть „место“ в системе, когда ее звуковые признаки совместимы с системой дистинктивных признаков заимствующего языка. При заимствовании фонема обычно входит в несколько иные оппозиции, чем в языке-источнике, в результате чего происходит переосмысление ее дистинктивных признаков. Строго говоря, фонологически переосмысляются фонетические признаки фонемы, как дистинктивные, так и недистинктивные. Поэтому фонеме в языке-источнике и в заимствующем языке полностью отождествлять нельзя.

Под сказанным подразумевалось контактирование разных языков. Но о заимствовании можно говорить и при контактировании разных диалектов одного языка, или при контактировании диалектов с общенациональным языком. Здесь механизм заимствования тот же, но благодаря системной близости и регулярности системных соответствий, когда при определенных

³ Было бы неправильно говорить — хотя иногда так делается, что в английском языке заимствованной фонемой является /z/. Правда, фонема /z/ встречается исключительно в словах французского происхождения, но заимствована была не сама фонема, а лишь сочетание [-zi-] в таких словах, как *vision* [viziən], которое позднее в результате уже собственно „английского“ развития изменилось в [-zj-] ([vizjən]), а последнее фонемизировалось в [ʒ]. Заимствованной фонемой скорее может считаться гласной /oi/, место которой в общей системе гласных мы находим возможным изобразить следующим образом:

Усеченные гласные

ɪ	ɯ
e	o
æ	ʌ

Неусеченные гласные

ɪə	uɯ	uə	
eə[ə:]	ou	oə[ɔə, ɔ:]	oɪ
ɛə	au	aə[ɑ:]	aɪ

Гласный /oi/ встречается в словах французского и голландского происхождения и был заимствован прежде всего французскими словами в среднеанглийский период. Но возникает вопрос, может ли он уже здесь интерпретироваться как монофонема. Кроме того, позднее он изменился в [əɪ] и лишь примерно в середине XVIII в. опять был восстановлен как „буквенное произношение“ (см. Вахек 1962, 439—443).

социально-политических условиях отдельные диалекты приобретают особый престиж, процесс фонологической импортации может быть крайне интенсивный.

III. Проблемы переходов

Проблемы переходов — это большей частью традиционные вопросы диалектной лингвистики. Все эти вопросы тесно взаимосвязаны, и обычно тот или другой ответ на один вопрос автоматически обуславливает ответ и на другой вопрос. Тем не менее, будет яснее, если разберем вопросы переходов по возможности последовательно один за другим.

Градуальность, скачкообразность и дискретность

В работах младограмматического толка звуковые изменения представлялись как преимущественно градуальные процессы⁴. Градуальность, можно сказать, служила основным критерием истинности изменения, и все „истинные“ звуковые изменения характеризовались как градуальные. Скачкообразными считались изменения по аналогии, заимствование, случаи, подобные метатезе, смене звуков по диссимиляции и т.п., т.е. нетипичные звуковые изменения. Так Сиверс (1901, § 727, 729–730) различает градуальные изменения, или просто изменение звуков (*allmähliche Verschiebung der Aussprache; Lautwandel*) и скачкообразные изменения, или замену звуков (*Sprung in der Articulation; springendes Lautwechsel*). В качестве примеров изменений второго типа он приводит замену звука [n] звуком [m] в древневерхненемецком *pili-grim* „пилигрим“ из латинского *peregrinus* „чужестранец“, или метатезу в др. в.н. *brestan > bersten* „лопаться“. Как пример градуального изменения Сиверс (1901, § 727) дает развитие ударного гласного в др.в.н. форме *gesti* „гости“: „Здесь, как можно судить по аналогиям живых языков, вне всякого сомнения произошел не скачок с первоначального *a* сразу на впоследствии единственно возможное узкое *e*, а положение *a* постепенно все больше и больше приближалось к положению *e* (так что долгое время произносилось *gasti* с чистым *a*, потом *gasti* с несколько палатализованным *a*, потом что-то вроде *gästi* с широким *ä*, потом *ge²sti*, наконец *ge¹sti* и т.п.)“.

Пережитки таких воззрений можно найти даже в работах недавнего времени. Так, Пенцл (1969, 10) не считает дистрибуционные изменения подлинно звуковыми изменениями из-за того, что они не являются градуальными.

⁴ Идея градуальности изменений возникла задолго до младограмматизма. Например, Данте еще в 1305 г. в своей работе „О простонародном языке“ („*De vulgari eloquentia*“) изменение языка мыслит как равномерный градуальный процесс.

Но в общем в структурной лингвистике старая младограмматическая концепция градуальности звуковых изменений была подвергнута коренному пересмотру. Сомерфельт еще в 1924 г., в статье „Заметка о фонетических изменениях“ („*Note sur les changements phonétiques*“) доказывал скачкообразность звуковых изменений (Сомерфельт 1962, 155–157). Несколько позднее, в 1930 г., Якобсон провел в данном вопросе резкую грань между фонетическими и фонологическими изменениями, признав фонетические изменения градуальными, а фонологические, исходя из невозможности промежуточных явлений в случае фонем, — скачкообразными (Якобсон 1962, 202–220, статья „*Principes de phonologie historique*“, особенно стр. 205). Большинство диакристов придерживаются подобной установки и сейчас, с той, однако, поправкой, что фонетические изменения не обязательно непременно градуальны (ср. Стеблин-Каменский 1966, 9–10). Утверждение Андерсена (1971, особенно стр. 12–18), что фонетические изменения градуальны без исключения, сейчас кажется крайностью. Другую крайность представляет позиция тех лингвистов — прежде всего представителей генеративной грамматики, — которые огульно отрицают градуальность звуковых изменений (ср. Хёнигсвальд 1961, 73; Хомский и Халле 1968, 250; Постал 1968, 303–304; Кинг 1969, 106–119).

Когда говорят о градуальности или скачкообразности звуковых изменений, то часто отсутствует четкое понимание того, что под этим точно подразумевается. Термины „градуальность“ и „скачкообразность“ могут употребляться в разных значениях.

Во-первых, градуальность и скачкообразность могут выражать степень различия между исходным звуком и последующим: градуальность может означать минимальные сдвиги, в то время как скачкообразность может означать резкие переходы.

Во-вторых, градуальность и скачкообразность могут пониматься как соответственно недискретность и дискретность изменений (ср. Хокет 1967, 444, 456–457).

В-третьих, этими терминами может определяться темп (скорость) изменений: длительность термином „градуальный“ и мгновенность — термином „скачкообразный“ (ср. Хокет 1967, 439, 444, 456–457).

В-четвертых, под градуальностью изменений может подразумеваться постепенный охват изменением системы. Например, как показал материал восточнославянских языков, нейтрализация противопоставления звонких и глухих шумных перед глухими шумными и в конце слова может происходить в определенной последовательности: оглушение /d/ может предшествовать оглушению /b/ (хотя обратное также возможно), /b d/ оглушаются раньше /z ž/, /z/ оглушается раньше /ž/ (Андерсен 1972, 16–17). Кроме того, нейтра-

лизация перед глухими шумными может предшествовать нейтрализации (оглушению) в конце слова.

В-пятых, под градуальностью может подразумеваться постепенное распространение изменений от идиолекта к идиолекту и от диалекта к диалекту (ср. Кинг 1969, 117).

Термины „градуальность“ и „скачкообразность“ в узком смысле этих слов мы будем употреблять лишь в первом значении. Второе значение мы и будем обозначать терминами „дискретность“ и „недискретность“, равным образом как третье значение — терминами „длительность“ и „мгновенность“, сводимыми к общему термину „темп (скорость) изменения“. Четвертый аспект — это вопрос одновременности изменения элементов отдельной системы, пятый — вопрос распространения изменений. Такое разграничение терминов позволяет более ясно и точно представить отдельные подходы. Так, по-видимому, будет правильным сказать, что с младограмматической точки зрения звуковые изменения градуальны, длительны и недискретны. Ведь звуковое изменение, если его представлять как какое-то неосознанное и неосознаваемое постепенное количественное нарастание или уменьшение определенного антропофонического признака, допускающее неопределенное число промежуточных стадий, дискретным быть названо не может. Априорно рассматривая любое звуковое изменение как градуальное и недискретное, младограмматики часто прибегали к крайне искусственным реконструкциям возможно большего числа „утраченных“ цепей развития⁵, превращая тем самым историческую фонетику, по меткому выражению Есперсена, в бумажную фонетику.

Однако тезис младограмматиков неверен лишь постольку, поскольку он абсолютизирует градуальность и не признает дискретности изменений; он, несомненно, имеет и свою позитивную сторону. Выдвигая тезис градуальности, согласно которому звуковые изменения представлялись как последовательные целенаправленные минимальные сдвиги атрикуляции, младограмматики, несомненно, в большой мере опирались на конкретный материал истории языков. Например, свидетельство письменности, метрики, диалектальных форм позволяло изменение сред. англ. /i :/ в совр. англ. /aɪ/ представлять как сдвиг, суть которого заключается в постепенном понижении и веларизации первого элемента, вроде $n > eɪ > əɪ > aɪ$. Подобные реконструкции, если только они в какой-то мере документированы и возможны с точки зрения системы данного времени, вполне приемлемы и в современной диахроничес-

⁵ Ср. реконструкцию Луиком (1964, § 637, 685) развития прагерманского /k/ в англ. /ɛ/: $k > k' > kx > tx > tʃ$, где достоверной промежуточной стадией можно считать лишь k' .

кой фонологии. Как градуальные могут представляться многие изменения фонетической реализации фонем, т.е. „парадигматические фонетические изменения“. Вполне можно допустить, что в некоторых случаях градуальность фонетических изменений даже носит недискретный характер. Более того, сейчас это нечто большее, чем априорное допущение. Вильям Лабов (1963; 1965, 96–100; 1972, 118–134), исследовавший изменения английских дифтонгов /au ai/ на острове Мартас Виньярд (*Martha's Vineyard*) в течение трех поколений (промежуток времени примерно в 30 лет), мог наблюдать постепенное нарастание централизации дифтонгов при переходе ко все более молодым информантам. Нарастание централизации не только воспринималось на слух и передавалось соответствующей транскрипцией, но и фиксировалось экспериментально спектрографом (постепенным перемещением первой форманты с более высокого к более низкому положению). Поскольку с чисто физической точки зрения допустимо, можно сказать, неограниченное число градуаций централизации, процесс носит характер недискретного градуального изменения. Но здесь сразу важно подчеркнуть, что со структурной точки зрения важны лишь дискретные фонетические сдвиги – в данном случае сам факт появления централизованной артикуляции (степенью централизации можно и пренебречь!) и развитие аллофонов – централизованного перед глухими согласными и нецентрализованного в остальных положениях. Так и любой другой случай парадигматических фонетических изменений не может быть представлен иначе, как появление, исчезновение или смена дискретных фонетических признаков в реализации фонем.

Таким образом, градуальные парадигматические фонетические изменения – это минимальные дискретные сдвиги в реализации фонем.

Принцип градуальности полностью подходит и к парадигматическим фонологическим изменениям. Структурная лингвистика, по-видимому, не без влияния младограмматического тезиса градуальности, выдвинула свой тезис, согласно которому одновременно может изменяться лишь по одному дистинктивному признаку (Моультон 1954, 39, сноска 91; Остин 1957, 543–544; Стеблин-Каменский 1966, 34). В принципе этот тезис следует считать правильным, хотя он и нуждается в некотором уточнении: он правилен лишь относительно членов отдельно взятой оппозиции. В общем комплексе дистинктивных признаков фонемы одновременно может измениться больше одного признака. Например, гласный, претерпевая изменения по признаку подъема языка, одновременно может претерпеть изменения по положению языка или огубленности (ср. Анттила 1972, 76). Определяемая как изменение по одному дистинктивному признаку, градуальность парадигматических фонологичес-

ких изменений является вполне точным понятием. Все фонологические изменения, конечно, дискретны.

Большинство синтагматических изменений (как фонетических, так и фонологических) могут быть охарактеризованы как скачкообразные – таковы перестановки, исчезновения или добавления звуков и фонем, многие смены звуков и фонем, не связанные с парадигматическими сменами.

От признания или непризнания принципа градуальности в большой мере зависят реконструкции. Насколько могут быть разными реконструкции в зависимости от той или другой теоретической установки, хорошо можно показать на примере таких случаев, как развитие рефлексов герм. /a/ в положении *i*-умлаута в древне- и средневерхненемецком. Как известно, в средневерхненемецком имеются две е-фонемы, обозначаемые графически, соответственно, символами *ë* и *e*, фонологически – /*ë*/ и /*e*/. Сложность и необычность предыстории этих фонем в том, что более узкая фонема /*e*/ восходит к открытой прагерм. фонеме /a/ (ср. в.н. *her* 'армия' < прагерм. **hari*), в то время как более широкая ср. в.н. фонема /*ë*/ – к более закрытой, по сравнению с /a/, прагерманской фонеме /*e*/ (ср. в.н. *hēr* 'здесь' < прагерм. **hera*). Генеративисты, отрицающие градуальность, в таком случае просто приписывают правило, по которому /a/ в положении умлаута меняется непосредственно в /*e*/, минуя стадию /*ë*/ (ср. Кинг 1969, 116). Приверженцы принципа градуальности („одновременно меняется по одному дистинктивному принципу“) здесь могут приводить объяснения, типа нижеследующего (ср. Фурке 1952). В определенный период истории языка, /a/ перед /i j/ фонологически слилось с /*ë*/ (< прагерм. /*e*/), так что прагерм. **hari* 'армия' и **hera* 'здесь' стали **hëri* и **hëra*. Можно предполагать, что в дальнейшем под влиянием /i j/ реализация фонемы /*ë*/ стала более узкой, так что перед /i j/ встречался узкий аллофон [e], а в остальных положениях – широкий аллофон [ë]. С исторической точки зрения узкий аллофон соответствует прагерм. /a/, широкий – прагерм. /*e*/. В средневерхненемецком произошла фонемизация этих аллофонов в оппозицию /*e*/–/*ë*/. При данной реконструкции принцип градуальности сохранен. Представляется, что реконструкция последнего типа скорее соответствует действительности.

Регулярность

Вопрос регулярности всегда считался одним из важнейших вопросов исторического языкознания. Сама историческая фонетика началась тогда, когда была подмечена регулярность звуковых соответствий в родственных языках. Младограмматики стали рассматривать регулярные соответствия как

следствие регулярности самих звуковых изменений. Начиная с младограмматического периода лингвистики, спор о регулярности касается двух основных вопросов: вопроса обоснования регулярности и вопроса степени регулярности.

Младограмматики, конечно, не были в состоянии дать убедительное объяснение какой-либо регулярности. Представители раннего младограмматизма, прежде всего Лескин, Остгоф и Бругманн, регулярность объясняли механической, физической, по их мнению, природой „звуковых законов“ (см. Дельбрюк 1919, 174–175; ср. Остгоф и Бругманн 1878, XIII). Против такой трактовки регулярности в 1880 г., независимо друг от друга, выступили Пауль и Дельбрюк. Пауль (1960, 87) указал, что „понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии“. Дельбрюк также указывал, что звуковые законы нельзя отождествлять с законами природы. Звуковые законы относятся к закономерностям человеческих отношений („Gesetzmäßigkeit der scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen“) (см. Дельбрюк 1919, 176). Поэтому как Пауль с Дельбрюком, так и другие лингвисты младограмматического толка при обосновании регулярности приводили факторы психологического, физиологического или социального характера. Как известно, Пауль истинным объектом лингвистического исследования считал язык индивидуума (ср. Пауль 1960, 40, 46). То, что называется узусом, представляет собой, по мнению Пауля, лишь некую среднюю индивидуальных языков (ср. Пауль 1960, 50–51). Дельбрюк, Пауль, Сиверс и другие младограмматики осознавали, что звуковое изменение может сперва начаться с меньшей группы говорящих, а потом распространиться и на весь языковой коллектив (ср. Дельбрюк 1902, 300; он же, 1919, 176; Пауль 1960, 81–82; Сиверс 1801, § 723). По мнению Дельбрюка (1919, 176), звуковые изменения потому и регулярны, что начинаются с малой группы, а потом путем подражания распространяются дальше. Пауль также не только само распространение индивидуальных изменений, но и их нивелировку объяснял коммуникативной функцией языка, „общением“. Есперсен (1933, 227) причину регулярности тоже видел в социальном характере языка: „Регулярность звуковых изменений никогда не могла бы осуществиться, если язык не был бы в первую очередь социальным фактом и если бы его важнейшей предпосылкой не было подражание. Без подражания нет языка“. Во всех подобных взглядах содержится рациональная мысль о роли коммуникации и языковой нормы в регулярности звуковых изменений.

Благодаря развитию экспериментальной и описательной фонетики младограмматики вполне отдавали себе отчет в фонетическом варьировании. Естественно возникал вопрос, как могли разные варианты изменяться иден-

тично. У Карстена (1890, 8) находим следующее объяснение: „Целый ряд действительно разных звуковых вариантов лишь потому претерпевают сходное изменение, что они в заключенном в наших представлениях языке представлены лишь одним образом, объединяющим их“. Данное объяснение интересно тем, что оно опирается, по сути дела, на понятие фонемы, правда, чисто психологическое.

Разграничив синтагматику и парадигматику, Соссюр (1933, 136–137) считал, что изменяются звуки как таковые, а не слова. Иначе говоря, он не только признал автономность парадигматических изменений по отношению к синтагматическим изменениям, но и считал, что синтагматические изменения определяются парадигматическими. Регулярность синтагматических изменений, согласно Соссюру, также обусловлена парадигматически.

С довольно-таки категоричным опровержением концепции Соссюра выступил Де Гроот (1948). Отдавая должное Соссюру и другим фонологам за утверждение в диахронической лингвистике взгляда на историю языка как на смену одной системы другой, Де Гроот (1948, 198), со своей стороны, заявил, что регулярность звуковых изменений не может быть объяснена сменой парадигматической системы фонем. По мнению Де Гроота, история языка – это не смена одной системы фонем другой, а смена одной системы форм слов другой. Смена одной системы форм слов другой должна быть так же определяема правилами, т.е. регулярна, как определяема правилами сама система форм слов⁶. При определении форм слов как „нормативных правил комбинирования фонем в формы слов“ („normative rules concerning the combination of phonemes in a word-form“) не подлежит сомнению тот факт, что основное здесь – синтагматические правила языка. Де Гроот, таким образом, один из первых среди фонологов поставил регулярность синтагматических изменений в зависимость от самой синтагматической системы. Этим тезис Де Гроота, несмотря на свою полемическую категоричность, мог оказать на дальнейшее развитие диахронической фонологии крайне благоприятное влияние.

⁶ Правила, определяющие систему форм слов, Де Гроот (1948, 197–198) называет „синхроническими фонетическими законами“ („synchronic phonetic laws“), правила смены синхронических фонетических законов – „диахроническими фонетическими законами“ („diachronic phonetic laws“). Заметим, что формулировки Де Гроота очень напоминают формулировки генеративной грамматики. Однако между Де Гроотом и генеративистами есть принципиальная разница. В то время как генеративисты вообще не признают „автономных“ (таксономических) фонем в языке (competence) говорящего и признают лишь „систематические (systematic) морфофонемы“, с помощью которых дается глубинная репрезентация морфем, и звуки, с помощью которых дается поверхностная форма морфем, Де Гроот наличие фонологической парадигматики никак не ставил под сомнение.

Можно сказать, что развитие диахронической лингвистики сейчас привело к признанию, что регулярность звуковых изменений определяется всей языковой системой. Одновременно признается и регулирующая роль языковой нормы.

По вопросу степени регулярности наиболее максималистской была позиция младограмматиков, выдвинувших тезис о непреложности звуковых изменений. Здесь, однако, важно не упускать из виду, что тезис „звуковые законы действуют без исключений“, означавший, что одинаковые звуки (или классы звуков) в тех же самых фонетических условиях и в пределах того же самого периода и той же самой территории изменяются одинаково, даже самими младограмматиками скорее понимался как закон *en puissance*, а не как закон *en effet* (ср. Дельбрюк 1919, 177). Они никак не игнорировали фактические исключения из законов, объясняя их перекрещиванием одного закона с другим, аналогией, заимствованием, консервативизмом, символическим значением наделенных звуков и т.п. Конечно, тот факт, что звуковые изменения по аналогии (главным образом грамматической) и звуковое заимствование они не считали звуковыми изменениями, был явной методологической ошибкой. Ошибочна и чрезмерная категоричность формулировки „законов без исключений“. Если бы младограмматики ограничились простой констатацией, что звуковые изменения регулярны, одновременно допустив возможность исключений, по-видимому, не было бы длившейся десятилетиями крайне пустой полемики о „звуковых законах“; ведь многие оппоненты младограмматиков отнюдь не отрицали самой регулярности и лишь не могли согласиться с догмой абсолютной регулярности, не допускающей исключений.

Дальнейший прогресс в решении вопроса регулярности зависел от умения определять типы изменений. С осознанием в структурной лингвистике различия между фонетикой и фонологией, а также между парадигматикой и синтагматикой парадигматические фонологические изменения были квалифицированы как изменения без исключений, т.е. как абсолютно регулярные, а синтагматические фонологические изменения — как допускающие исключения. По свидетельству Германна (1931, 50), Трубецкой еще на Втором Международном конгрессе лингвистов сказал: „Все звуковые изменения, означающие изменение системы фонем, являются непреложными. Исключения имеются лишь при атомистических изменениях, которые не затрагивают системы фонем. Но и атомистические изменения могут быть без исключений“. Но здесь опять-таки возникает вопрос, какова степень регулярности (или нерегулярности) синтагматических фонологических изменений. Бонфанте (1947, 365), правда, в явном полемическом пылу, писал: „Младограмматики хвастаются, что их законы не знают никаких исключений и даже ставят этот

принцип в основу всех своих исследований языка, яростно отрицая научность любого другого подхода, который не исходит из того же допущения. Неолингвисты, наоборот, утверждают, что каждое слово, каждая форма и каждый звук точно так же, как и каждый человек — являются исключением, что исключение является правилом самой жизни, что каждая проблема отличается от любой другой проблемы, и поэтому должна изучаться внимательно и с почтением, а не путем широкого обобщения, или в смиренной рубашке звуковых законов". Вкратце эту мысль Жильерон (Jules Gilliéron) выразил известным афоризмом: „Каждое слово имеет свою историю“ („Chaque mot a son histoire“). Находя, что Жильерон явно недооценивает общих закономерностей звукового развития слов, Молкиел (1967, 145) предлагает заменить эту формулу выражением „Многие“ (или некоторые, или даже отдельные) слова, по-видимому, могут обладать действительно особой историей“. По этому же поводу Молкиел справедливо замечает, что эволюцию слов можно представить в виде шкалы, начинающейся словами с регулярным развитием и оканчивающейся случаями лексической „патологии“, „терапевтики“ и настоящих „чудес“.

В сегодняшней лингвистике проблема регулярности должна ставиться как проблема определения условий (контекстов, ограничений) изменений, как чисто фонологических, так и грамматиколексических. Якобсон еще в 1949 г. подверг критике концепции, противопоставляющие звуковые изменения и аналогию как нечто полностью несовместимое (Якобсон 1971, 112–113). По мнению Якобсона, неправы были младограмматики, считавшие аналогию нерегулярностью, нарушением строгих звуковых законов. Но неправ был и Соссюр со своими последователями, считавший аналогию неким спасительным противовесом разрушительному действию слепых и случайных звуковых изменений. Якобсон прямо указал, что фонологические изменения при грамматической аналогии — это просто грамматически ограниченные фонологические изменения. С точки зрения проблемы условий изменений, нам представляется интересной недавняя статья Файрбэнкса. Файрбэнкс (1973, 199–201) различает четыре „типа“ звуковых изменений. Первый — звук изменяется во всех своих положениях, во всех фонологических условиях. Второй — звук изменяется только в особых фонологических условиях. Третий — звуковое изменение происходит в условиях, которые должны определяться морфологически, или в терминах морфофонемных чередований. Четвертый — изменение может произойти в определенной грамматической категории, без затрагивания всех членов этой категории. Файрбэнкс правомерно группирует вместе, с одной стороны, первый и второй типы звуковых изменений, условия которых могут быть определены в фонологических терминах, и, с другой стороны, третий и четвертый типы, усло-

вия которых не могут быть определены фонологически, но могут определяться морфологически (стр. 202). Файрбэнкс, однако, не учитывает возможность смешанных типов.

Наиболее правильно будет сказать, что условия звуковых изменений определены фонологически и/или грамматически-лексически. Есть изменения, условия которых определены чисто фонологически, есть изменения, условия которых определены чисто грамматически-лексически, и могут быть изменения, условия которых должны определяться одновременно фонологически и грамматически-лексически. Под фонологическими условиями изменений могут подразумеваться как парадигматические, так и синтагматические условия. Парадигматические изменения могут определяться лишь парадигматическими условиями. В зависимости от того, насколько широко однотипным изменением охвачена система и насколько схожи результаты изменения отдельных элементов, можно говорить о большей или меньшей регулярности парадигматических изменений. В этом смысле как раз и говорят о регулярности парадигматических изменений фонем и оппозиций, включенных в корреляции. Условия синтагматических звуковых изменений могут определяться как парадигматически, так и синтагматически. Когда фонемы подвергаются идентичному изменению во всех словах и во всех положениях, можно считать, что условия такого изменения определены лишь парадигматически; звуковые синтагматические, грамматические и лексические системы такого изменения никак не ограничивают. Можно сказать, что такие синтагматические звуковые изменения обладают наибольшей регулярностью. Но чаще всего условия синтагматических звуковых изменений определены парадигматически и/или синтагматически. Они могут еще определяться грамматически и лексически. Однако практика диахронической фонологии показывает, что условия звуковых изменений определены прежде всего фонологически. Грамматически и особенно лексически определяемые изменения (или исключения из изменений) всегда носят более ограниченный характер, очень часто ограничиваясь единичными формами (ср. появление /t/ в английских предлогах *amongst* < сред. англ. *amonges* 'среди', *against* < сред. англ. *againes* 'против', *amidst* < сред. англ. *ammides* 'среди', *whilst* < сред. англ. *whiles* 'пока'). Таким образом звуковые изменения, условия которых определены грамматически-лексически, можно часто противопоставлять изменениям, условия которых определены фонологически, как менее регулярные более регулярным. Но это противопоставление принципиально отличается от младограмматического противопоставления „истинных“ звуковых изменений и аналогии. Младограмматики предполагали, что какое-нибудь звуковое изменение происходит повсеместно и что лишь потом вступает в силу граммати-

ческая аналогия, которая к тому же не считалась звуковым изменением (ср. Пауль 1960, 89). Сейчас допускается, что грамматическая или лексическая система может с самого начала наложить ограничения на звуковое изменение (ср. Анттила 1972, 98–99). И, конечно, сегодня нет никаких оснований отказываться рассматривать звуковые изменения, условия которых определены в грамматических или лексических терминах, как таковые, исходя лишь из другого механизма этих изменений.

Рассматривая вопрос регулярности звуковых изменений, нельзя не учитывать варьирование. Варьирование в языке обусловлено гетерогенностью любого языкового коллектива и любой языковой системы. Звуковое изменение, распространяясь от идиолекта к идиолекту и от диалекта к диалекту, обычно вначале сопровождается более широким варьированием, а в конце приобретает большую регулярность (см. Лабов 1963, 293; он же, 1966, 84; Андерсен 1973, 787).

Несколько замечаний о структурной реинтерпретации

Нисколько не претендуя на то, чтобы дать какое-либо собственное решение этого крайне сложного вопроса, мы попытаемся, однако, отметить наиболее позитивные, на наш взгляд, моменты в современных теориях структурной реинтерпретации.

В современной лингвистике, прежде всего генеративной, по-другому стали понимать соотношение изменений в языке с речью: языковые, в том числе и звуковые изменения – это изменения в языке, а не в речи (ср. Постал 1968, 271–281; Кинг 1969, 15). Речи всегда свойственно широкое варьирование. Например, произношение *has she* как [hæzʃɪ], *did you?* как [dɪdz ju], *length* как [lenθ] и даже *good girl* как [gʊggə : ɪ], *ten pounds* как [ten raundz], *open* как [oʊpɪn] отнюдь не может считаться каким-то особым исключением. Варьирование в речи не отражается непосредственно на структуру языка. Тем не менее, речь в развитии языка играет большую роль, так как язык воссоздается по речи. Воссоздание языка, естественно, происходит главным образом при усвоении родного языка детьми. Процессы усвоения языка считались наиважнейшим фактором звукового развития и раньше (ср. Эллис 1869, Пауль 1960, 81; Пасси 1891, 231; Уитни 1883, 34–35; Поливанов 1968, 63). Но тогда на усвоение языка смотрели как на простую имитацию языка родителей детьми, а на изменения – как на результат недостаточно точной имитации. Теперь же на усвоение языка смотрят как на сложный процесс постоянной структурной перестройки (ср. Хомский и Халле 1968, 249–252, Кинг 1969, 79–80). На базе речи окружающих ребенка конструи-

рует свою языковую структуру, которая вначале представляет лишь крайне упрощенную модель языка взрослых. Поэтому речь ребенка отличается от речи окружающих не столько потому, что он еще в недостаточной мере усвоил необходимые речевые навыки, сколько потому, что его речь является результатом иной, чем у взрослых, внутренней структуры. Дальнейшее овладение языком заключается в постоянных структурных перестройках, в ходе которых наращивается число фонем, число дистинктивных признаков и т. п., и в овладении речевыми навыками. Так осуществляется постепенный переход от более простой системы к более сложной, близкой к системе взрослых⁷. Конструируемый таким образом язык легко может в структурном отношении отклониться от языка-модели, особенно когда в речи имеются варианты или когда формы речи в каком-то отношении начинают неполностью отражать глубинные формы языка. Например, вполне допустимо, что в определенный период *i*-умлаута глубинная форма [fulljan] [fylljan] „наполнять“ в речи стала реализоваться не только как [fylljan], но и как [fyllan]. В конструируемом по формам речи типа [fyllan]-[full] „полный“ языке аллофонное различие [u] — [y] легко могло быть осознано как фонемная оппозиция /u/ — /y/.

И последнее замечание: в современных гипотезах, объясняющих структурную реинтерпретацию, все больше признается осознанность, ментализм изменений. Ведь конструирование языка может мыслиться лишь как сознательная деятельность. Поэтому и любые структурные изменения должны рассматриваться как результат сознательной деятельности. Конечно, это отнюдь не значит, что все изменения осознаются как таковые. Более

⁷ Андерсен предполагает, что мышление ребенка при усвоении языка сводимо к абдукции, индукции и дедукции. Все они связаны, хотя и по-разному, с тремя суждениями, составляющими силлогизм: большой посылкой (например, „Все люди смертны“), малой посылкой (например, „Сократ человек“) и выводом (например, „Сократ смертен“). Индуктивное суждение исходит из частных случаев („малой посылки“) и выводов, с целью вывести общее положение, правило, т.е. большую посылку. Дедукция применяет большую посылку к частным случаям и делает вывод. Абдукция исходит из наблюдаемого результата („выводов“), предугадывает общее положение („большую посылку“) и допускает малую посылку.

При усвоении языка ребенок наблюдает за речевой деятельностью взрослых, воспринимает их речь как результат определенного языкового механизма („вывод“) и старается понять и воссоздать этот механизм. Это абдукция. Создавая структуру своего языка, ребенок прислушивается к речи тех людей, которые служат ему примером; он и сам говорит, проверяя таким образом свою языковую систему; он смотрит, насколько его языковая система позволяет производить формы, которые соответствовали бы законам языка. Это дедукция. Он также проверяет вновь слышимые высказывания, чтобы убедиться, что этот новый материал („выводы“) согласуется с языковой структурой, которую он создал в соответствии с общими „законами“ языка. Это индукция. См. Андерсен 1973, 774 — 777.

непосредственному наблюдению и тем самым контролю подлежат, по-видимому, лишь изменения в звуковом (фонетическом и фонемном) составе слов или в фонетической реализации фонем.

Л и т е р а т у р а

- Андерсен 1972 H. Andersen. Diphthongization. — *Language*, vol. 48, 1972, 11—50.
- Андерсен 1973 H. Andersen. Abductive and deductive change. — *Language*, vol. 49, 1973, 765—793.
- Анттила 1972 R. Anttila. An introduction to historical and comparative linguistics. New York, 1972.
- Бонфанте 1947 G. Bonfante. The neolinguistic position. — *Language*, vol. 23, 1947, 344—375.
- Вахек 1962 J. Vachek. On the interplay of external factors in the development of language. — *Studia gratulatoria dedicated to Albert Willem De Groot in the year of his seventieth birthday*. Amsterdam, 1962, 433—448.
- Германи 1931 E. Hermann. *Lautgesetz und Analogie*. Berlin, 1931.
- Де Гроот 1948 A. W. De Groot. Structural linguistics and phonetic law. — *Lingua*, vol. 1, 1948, 175—208.
- Дельбрюк 1902 B. Delbrück. Das Wesen der Lautgesetze. — *Annalen der Naturphilosophie*, erster Band, drittes Heft, 1902, 277—308.
- Дельбрюк 1919 B. Delbrück. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1919.
- Есперсен 1933 O. Jespersen. *Linguistica*. Copenhagen, 1933.
- Карстен 1890 G. Karsten. Sprecheneinheiten und deren Rolle in Lautwandel und Lautgesetz. — *Phonetische Studien*, Band III, 1890, 1—10.
- Кинг 1969 R. D. King. *Historical linguistics and generative grammar*. Englewood Cliffs, 1969.
- Крупаткин 1966: Я. Б. Крупаткин. Становление древнеанглийского вокализма (проблема ингвеонского развития). Автореф. докт. дисс. Л., 1966.
- Курат 1969 H. Kurath. The loss of long consonants and the rise of voiced fricatives in Middle English. — *Лэсс 1969*, 142—153. Впервые опублик.: *Language*, vol. 32, 1956, 435—445.
- Лабов 1963 W. Labov. The social motivation of a sound change. — *Word*, vol. 19, 1963, 273—309.
- Лабов 1965 W. Labov. On the mechanism of linguistic change. — *Report on the Sixteenth Annual round table meeting on linguistics and language studies*. Ed. Charles W. Kreidler. Washington, 91—114.
- Лабов 1966 W. Labov. Hypercorrection by the lower middle class as a factor in linguistic change. — W. Bright (ed.). *Sociolinguistics*. The Hague, 1966, 84—113.
- Лабов 1972 W. Labov. The internal evolution of linguistic rules. — *Linguistic change and generative theory*. Edited by Robert P. Stockwell and Ronald K. S. Macaulay. Bloomington and London, 1972, 101—171.

- Луик 1964 K. Luick. *Historische Grammatik der englischen Sprache*, vol. I, part II. Harvard University Press, 1964.
- Лэсс 1969 R. Lass. *Approaches to English historical linguistics. An anthology*: New York, 1969.
- Материалы 1965 *Proceedings of the Fifth International Congress of Phonetic Sciences*. Basel, 1965.
- Молкиел 1967 Y. Malkiel. Each word has a history of its own. — *Glossa*, vol. 1, 1967, 137–149.
- Моультон 1954 W. G. Moulton. The stops and spirants of early Germanic. — *Language*, vol. 30, 1954, 1–42.
- Остгоф и Бругманн 1878 H. Osthoff und K. Brugmann. *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, I. Leipzig, 1878.
- Остин 1957 W. M. Austin. Criteria for phonetic similarity. — *Language*, vol. 33, 1957, 538–544.
- Пажусис 1973 L. Pažūsis. *Anglų kalbos semantiniai skoliniai Šiaurės Amerikos lietuvių kalboje*. — *Kalbotyra*, XXV(3), 1973, 27–36.
- Пасси 1891 P. Passy. *Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux*. Paris, 1891.
- Пауль 1960 Г. Пауль. *Принципы истории языка*. М., 1960.
- Пенцл 1969 H. Penzl. The evidence for phonemic changes. — Лэсс 1969, 10–24. Впервые опубликовано: *Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday*. Edited by Ernst Pulgram. The Hague, 1957, 193–208.
- Поливанов 1968 Е. Д. Поливанов. *Статьи по общему языкознанию*. М., 1968.
- Постал 1968 P. N. Postal. *Aspects of phonological theory*. New York, 1968.
- Сиверс 1901 E. Sievers. *Grundzüge der Phonetik*. Leipzig, 1901.
- Сомерфельт 1962 A. Sommerfelt. *Diachronic and synchronic aspects of language*. 'S—Gravenhage, 1962.
- Де Соссюр 1933 Ф. Де Соссюр. *Курс общей лингвистики*. М., 1933.
- Стеблин-Каменский 1966 М. И. Стеблин-Каменский. *Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков*. Л., 1966.
- Степонавичюс 1973а: A. Steponavičius. The development of Old English diphthongs. — *Kalbotyra*, XXIV(3), 1973, 57–73.
- Степонавичюс 1973б: A. Степонавичюс. Языковое изменение и проблемы диахронической фонологии (I). — *Kalbotyra*, XXV (3), 1973, 153–182.
- Степонавичюс 1975 A. Степонавичюс. Языковое изменение и проблемы диахронической фонологии (II). — *Kalbotyra*, XXVI (3), 1975, 215–243.
- Туодделл 1957а: W. F. Twaddell. A note on Old High German umlaut. — *Хрестоматия 1957*, 85–87. Впервые опубликовано: *Monatshefte für deutschen Unterricht*, 30, 1938, 177–181.
- Туодделл 1957б: W. F. Twaddell. The prehistoric Germanic short syllabics. — *Хрестоматия 1957*, 290–297. Впервые опубликовано: *Language*, vol. 24, 1948, 139–151.
- Уитни 1883 W. D. Whitney. *The life and growth of language*. New York, 1883.
- Файрбэнкс 1973 G. H. Fairbanks. Sound change, analogy, and generative phonology. — *Issues in linguistics. Papers in honor of Henry and Renée Ka-*

- Фурке 1952 J. Fourquet. The two e's of Middle High German. A diachronic phonemic approach. — *Word*, vol. 8, 1952, 122–135.
- Хауген 1969 E. Haugen. The analysis of linguistic borrowing. — *Лэсс* 1969, 58–81. Впервые опубликовано: *Language*, vol. 26, 1950, 210–231.
- Хауген 1972 Э. Хауген. Процесс заимствования. — *Новое в лингвистике*, вып. VI. М., 1972, 344–382.
- Хокет 1967 C. F. Hockett. *A course in modern linguistics*. New York, 1967.
- Хомский и Халле 1968 N. Chomsky and M. Halle. *The sound pattern of English*. New York, 1968.
- Хёнигсвальд 1961 H. M. Hoenigswald. *Language change and linguistic reconstruction*. Chicago, 1961.
- Хрестоматия 1957 *Readings in linguistics, I*. Fourth edition. Edited by Martin Joos. Chicago and London, 1957.
- Эллис 1869 A. J. Ellis. *On early English pronunciation, part I*. London, 1869.
- Якобсон 1962 R. Jakobson. *Selected writings, I: Phonological studies*. The Hague, 1962.
- Якобсон 1971 R. Jakobson. *Selected writings, II*. The Hague, 1971.

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas
Anglų filologijos katedra

Įteikta
1974 m. rugsėjo mėn.

ON THE MECHANISM OF SOUND CHANGE

Summary

By the mechanism of sound change we mean the problems of causation and transition. This paper is devoted to problems of the latter type. At the outset, the possible sources of new phonemes are pointed out. New phonemes may arise through: (1) rephonologization of phonemes; (2) phonemization of allophones; (3) monophonemization of phonemic clusters; (4) diphonemization of a single phoneme into phonemic clusters; (5) borrowing. Of the problems of transition proper the problems of graduality, discreteness, regularity and structural reinterpretation are discussed.